

УДК 94(47):271-9"1237/1240"

DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.254-265

ЕПИСКОПАЛЬНАЯ СТРУКТУРА РУСИ В ПЕРИОД МОНГОЛО-ТАТАРСКОГО ВТОРЖЕНИЯ 1237–1240 ГОДОВ (ПО ЛЕТОПИСНЫМ ИСТОЧНИКАМ)

Т.Ю. Фомина

Набережночелнинский государственный педагогический университет

Набережные Челны, Российская Федерация

stal73@yandex.ru

Цель: проанализировать на основе летописных источников изменения епископальной структуры Руси, произошедшие в ходе похода монголо-татарских войск 1237–1240 гг., и с помощью историко-генетического метода охарактеризовать процесс становления взаимоотношений монгол с представителями древнерусской церковной организацией.

Материалы исследования: в статье указывается на дискуссионность оценки влияния монголо-татарского вторжения на изменения епископальной структуры киевской митрополии. Возникновение, перенесение и ликвидация древнерусских епископских центров активно происходила и до первой трети XIII в. В статье подчеркиваются особенности положения русских епископий в ходе монгольского наступления 1237–1240 гг. Летописные источники сообщают о разорении и разграблении ордынскими войсками Владимирской и Переяславской кафедр, в то время как Ростовский, Черниговский и Галицкий архиереи сохранили свой сан и материальные ресурсы. После монгольского вторжения представители высшей церковной иерархии Руси склонились к сотрудничеству с Золотой Ордой. В результате русская церковь была освобождена от уплаты ордынской дани, укрепила свое влияние на общерусские политические процессы, клир и церковная собственность были выведены из подчинения удельных князей.

Результаты и научная новизна: применение историко-генетического метода позволило выявить особенности выстраивания взаимоотношений ордынцев с представителями русского епископата. Законы Яссы обязывали представителей Монгольской Империи, а затем и Золотой Орды, с высокой степенью терпимости относиться к представителям местного духовенства. Фиксируемая летописными источниками смерть представителей древнерусского епископата и спасение части из них, связаны непосредственно с периодом активных боевых действий, после окончания которых судьба духовенства зависела в основном от их лояльности к монгольской власти. Таким образом, взаимоотношения ордынцев с представителями высшей церковной иерархии Руси видятся не столь однозначными, как это нередко представляется в отечественной историографии.

Ключевые слова: церковно-ордынские отношения, монголо-татары, Древняя Русь, митрополиты, епископы, епископии

Для цитирования: Фомина Т.Ю. Епископальная структура Руси в период монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов (по летописным источникам) // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 2. С. 254–265. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.254-265

THE DIOCESAN STRUCTURE OF RUS DURING THE MONGOL-TATAR INVASION IN 1237–1240 (ACCORDING TO THE CHRONICLES)

T.Yu. Fomina

*Naberezhnye Chelny State Pedagogical University
Naberezhnye Chelny, Russian Federation
stal73@yandex.ru*

Abstract: *Research objective:* To analyze, on the basis of the chronicle sources, changes in the episcopal structure of Rus, which occurred during the campaign of the Mongol-Tatar troops of 1237–1240, and with the help of the historical-genetic method, characterize the process of the formation of relations between the Mongols and representatives of the ancient Russian church organization.

Research materials: The article points to the debatable assessment of the impact of the Mongol-Tatar invasion on changes in the episcopal structure of the Kiev Metropolis. The emergence, transfer and liquidation of the ancient Russian episcopal centers actively took place before the first third of the 13th century. The article emphasizes the peculiarities of the position of Russian bishops during the Mongol offensive of 1237–1240. Chronicle sources report the devastation and plunder by the Horde troops of the Vladimir and Pereyaslav departments, while the Rostov, Chernigov and Galician bishops have retained their rank and material resources. As a result, the Russian church was freed from the payment of the Horde tribute, strengthened its influence on the all-Russian political processes, the clergy and church property were removed from the subordination of the princes.

Results and novelty of the research: The use of the historical-genetic method made it possible to reveal the peculiarities of building up the relations of the Horde with representatives of the Russian episcopate. The laws of Yasa obliged the representatives of the Mongol Empire, and then the Golden Horde, with a high degree of tolerance to the representatives of the local clergy. The death of representatives of the Old Russian episcopate, recorded by chronicle sources, and the salvation of some of them, was directly related to the period of active hostilities, and after they ended, the fate of the clergy depended mainly on their loyalty to the Mongol power. Thus, the relationship of the Horde with representatives of the highest ecclesiastical hierarchy of Rus is not seen as so unambiguous, as it often appears in Russian historiography.

Keywords: church-Horde relations, Mongol-Tatars, Old Rus, metropolitans, bishops, bishoprics

For citation: Fomina T.Yu. The Diocesan Structure of Rus during the Mongol-Tatar Invasion in 1237–1240 (according to the chronicles). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden HordeReview*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 254–265. (In Russian) DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.254-265

В древнерусском летописании ход монголо-татарского вторжения 1237–1240 годов представлен сюжетами масштабных разрушений и разорений. В историографии принято считать, что в этот период была нарушена церковная структура Руси [5; 26; 12; 13; 10; 24; 25; 4]. Хотя при обстоятельном анализе летописных известий общая картина требует дополнительного уточнения. Во-первых, стоит отметить, что и до монгольского нашествия на Русь епископское управление на ее территории претерпевало значительные трансформации, как различного рода перенесения кафедр или их объединения, так и формирование новых. Источником подобных изменений в еписко-

пальной структуре в значительной мере становились главы княжеского рода. Во-вторых, необходимо уточнить, что епископальная структура домонгольской Руси не может рассматриваться как взаимосвязанное единое устройство древнерусской православной церкви. Раздираемая внутренними противоречиями и служащая в угоду местным княжеским родам, не единожды митрополия приходила к разделению на части. В-третьих, само древнерусское летописание изобилует поздними вставками или попытками реконструкции события на основе библейских мотивов или вставок из более ранних по хронологии летописных сюжетов. В итоге, мы получаем летописное разорение Москвы: «град и църкви стѣна ѿгневи предаша и монастыри вси и села пожгоша» [19, стб. 462]. В то время как религиозные постройки в этот период в области близ города просто не фиксируются, а поздний Московский свод о раннем церковном строительстве и вовсе умалчивает.

Прежде всего, стоит заметить, что, судя по летописным источникам, формально к 30-м гг. XIII в. древнерусская церковная организация под руководством киевских митрополитов имела на территории подвластной роду Рюриковичей разветвленную, но не единую епископальную структуру. Сама численность и статус епископий претерпевали значительные изменения вслед за политическим развитием русских земель. По сути, были образованы три области политической силы: Новгородская, Северо-Восточная и Юго-Западная. Составляющие костяк каждой области княжеские роды, претендовавшие на лидерство на Руси, формировали в своих ключевых городах собственные независимые друг от друга епископские центры. Юридически епископальная структура была объединена властью киевского митрополита, но фактически иерархи оставались подневольными в принятии решений от собственных князей и представителей их родов, а порой и городского вече. Так, например, со второй половины XII в. Великий Новгород занял особое положение в рамках митрополии, новгородские архиереи получили статус архиепископов, а их кандидатуры избирались городской знатью и лишь утверждались киевскими митрополитами. Отсутствие стабильной епископальной структуры, неустойчивость границ и именованья самих епископий подтверждаются многочисленными событиями, произошедшими в Центральной, Юго-Западной и Северо-Восточной части Древней Руси.

Относительно центра Руси среди качественных примеров княжеского вмешательства можно выделить: во-первых, борьбу за Туровскую епископию, в которой победил Киев [3, с. 109–110], утвердив своего ставленника Киево-Печерского монастыря Лаврентия [9, с. 395]; во-вторых, активизацию смоленских князей по утверждению своей воли в полоцкой земле, вылившуюся в утверждение в нем смоленских князей [2, с. 29], которые в свою очередь поддерживали активные связи с двором Рижского епископа. В Полоцке одновременно с католическим духовенством, святительствовал епископ Олекса (упоминается под 1231 г.), управлявший также Белгородской и Юрьевской кафедрами [19, стб. 456]. Сама же смоленская епархия, возглавлявшаяся епископом Лазарем [8, с. 45], терпела многочисленные «обиды», исходившие от местных властителей, «отнимающие чужое неправедно и обижающие вдов и сирот» [8, с. 45]. Не выдержав княжеского произвола, Лазарь оставил своё служение. Пришедшие ему на смену иерархи были более

лояльными к такому роду властителей и не проявляли, судя по всему, служебного рвения [22, с. 224].

Для Юго-Западной Руси несколько затруднительно восстановить жизнь епархий, действовавших на её территории в период с 1223 по 1240 г., так как галицко-волынское летописание в основном ориентировалось на упоминание деяний представителей именно княжеского рода. Однако учитывая даже эти особенности, можно встретить упоминания о личном участии Даниила Романовича Галицкого в церковном устройении. Основанный им крепость-град Холм стал новым епископским центром, переподчинив на себя Угровскую кафедру. Такое переподчинение связано с борьбой со своеволием «пискупа Асафа», который без княжеского на то разрешения «скочи на стол митрофолч» [20, стб. 740]. Кратковременной, но небезынтесной была и судьба возрожденной Перемышльской кафедры, которая существовала в первой половине XIII в. на территории Юго-Западной Руси [17, с. 60]. Кратковременность её действия и последующее объединение с Галицкой епархией также можно связать с волей рода Романовичей.

В Галиче, в котором боярская оппозиция была сродни новгородской, но лишь по степени своих амбиций, святительствовал епископ Артемий. Неоднократно выступая против Даниила Романовича, Артемий, всё же поняв, что силы оппозиции не справляются с защитой собственных территорий, в 1235 году вместе с дворским Григорием отправился к Даниилу Романовичу прося принять княжение в Галиче: «слезнама вчима и вслабленомь лицемь. и лижюща оуста своа . æко не имѣюща власти кнаженьæ своего . рѣста же с ноужею . прииди кнаже Данило приими градъ Данило же вниде во градъ свои.» [20, стб. 777–778].

В Северо-Восточной Руси основной особенностью развития диоцеза было дробление епископий с организацией новых кафедр и выведения из под юрисдикции территорий, подчиненных южнорусским архиереям. В результате подобных княжеских действий к уже имеющимся были добавлены Рязанская [1] и Переяславская кафедры [19, стб. 415]. Данная политика проводилась не без прямого княжеского вмешательства. Начатое Всеволодом Большое Гнездо, непосредственное дробление и организация новых епископских центров было продолжено его сыновьями, создававшими на подвластных им территориях самостоятельные кафедры. Так решением князя Юрия Всеволодовича в 1214 г. был основан Владимирский диоцез.

Вышеперечисленные сюжеты убедительно доказывают, что накануне монголо-татарского вторжения происходили значительные изменения в структуре Киевской митрополии, которые отражали желание наиболее сильных князей упрочить своё положение, учитывая средневековую особенность сакрализации власти. В этом отношении прошедшее монголо-татарское нашествие не только упростило многие неразрешимые межкняжеские споры за старшинство, установив особый порядок получения прав на княжение из рук хана, но и установило новые порядки, особенно в области церковно-княжеских отношений.

Безусловно, нельзя отрицать разрушения, разорения и гибель ряда иерархов, произошедшие в ходе осады городов во время западного похода Бату. Однако преувеличенная в историографии степень произошедшего несколько разнится с исторической действительностью, которую мы обретаем в ходе

анализа летописных свидетельств. С одной стороны это связано с желанием многих церковных историков отразить в своих трудах эффектное мученическое геройство представителей церкви. С другой стороны схожую цель преследовали как ранние, так и поздние древнерусские хронисты. Порой домысливая те или иные сюжеты, они из века в век переносили и добавляли всё более детальные подробности о событиях, всё дальше и дальше отстоящих от времени составления того или иного летописного списка.

Северо-восточная Русь в 1237 г. первой приняла на себя удар монгольских войск. Захватив Рязань, монголы «много же стхъ цркви и гнєви предаша и манастирьѣ и села пожгоша» [19, стб. 461]; о гибели духовенства летопись не сообщала, что само по себе странно. Лишь в «Повести о Николае Заразском», время создания которой, по мнению Д.С. Лихачева, относится не ранее первой половины XIV в. [11, с. 258], говорится, что «татары» рязанского «епископа и священнический чин огню предаша, во святей церкви пожегоша» [11, с. 292]. «Повесть», казалось бы, позволяет восстановить имя погибшего архиерея: вероятно, это упоминаемый там же под 1223 г. рязанский епископ Ефросин, который благословил на битву с монголами князя Юрия Ингоревича [11, с. 286]. Однако само количество разнородных списков, составляющих целый цикл повестей о Николае Заразском, позднее время их составления (около века спустя), отсутствие в самом описании имени погибшего епископа, в отличие от летописного сюжета взятия Владимира, могут указывать лишь на желание составителей Повести усилить эмоциональный эффект от произошедшего исключительно в политических целях. Прежнее указание в Лаврентьевской летописи на цели прихода татар как казнь Божью, сменилось утверждением древнерусских книжников XIV в. и в особенности середины XVI вв., что монголы «желая Рускую землю поплєнити, и веру христьянскую искорєнити и церкви божии до основаниа разорити» [11, с. 292]. Но подобная поздняя трактовка цели не соответствовала действительности в связи с тем, что иначе нарушался бы один из главных законов Монгольской Империи «Яссы», который утверждал полную веротерпимость по отношению к любому культу, с одной лишь оговоркой, что его непосредственные представители должны были быть лояльны действиям монголов [27, с. 224]. Неудивительно, что призыв к стойкому сопротивлению и вхождение в ряд защитников города предопределил судьбу владимирского епископа Митрофана. В ходе штурма города Владимира войсками Батые в кафедральной церкви пресвятой Богородицы с «кнагѣни Юрьєва съ дчерью и с снохами и со внучаты и прочиѣ кнагѣни» в пожаре погиб епископ Митрофан [19, с. тб. 464].

Очевидно, что материальному положению церкви действительно был нанесен значительный урон; о богатстве кафедр Северо-восточной Руси позволяет судить замечание Владимиро-Суздальского епископа Симона (ум. 1226 г.): «много городов и сел, и со всей той земли я получаю десятину» [9, с. 395]. Вместе с тем, успешное бегство епископа ростовского Кирилла на Белоозеро [19, стб. 465] и удивительно быстрое восстановление им служения в Ростове, позволяют говорить и о том, что многое всё же удалось спасти. Последующие события и установившиеся прямые церковно-ордынские отношения лишь подтверждают предположение о том, что вовремя сбежавший Кирилл сумел впоследствии договориться с монголами, и вся последующая

история ростовской епархии повествует о стабильном росте материального достатка, принесения от местных князей «дары многы», открытии новых храмов и т.п. [15, с. 267; 19, стб. 524; 18].

Успешно налаженные Ростовским епископом Кириллом церковно-ордынские связи позволили последнему получить первые ханские ярлыки, даровавшие полный налоговый иммунитет [6, с. 45]. Кроме того, учитывая мнение Р.Ю. Почекаева, можно заключить, что выданные ярлыки, ставя защиту церкви в приоритет своей внутренней политики и защищая их от любого произвола, в том числе княжеского, выводили из-под прямой зависимости от удельных князей архиереев, а также весь церковный люд и, что важно, церковную собственность [24, с. 184]. Следовательно, если в первые десятилетия после монголо-татарского вторжения церковная структура северо-восточного региона была еще более усложнена, чем это было в домонгольский период, многие епископские кафедры оставались вакантными в связи с гибелью архиереев, а смерть прежних ктиторов делала невозможным материальное содержание ряда епископских дворов, то к 60–80-х гг. XIII в., в том числе благодаря полученным ярлыкам, восстанавливается регулярная церковная жизнь, как и её материальный достаток, а епархиальная структура устремилась к упорядочиванию.

Устоявшиеся отношения с монголами поддерживал и следующий ростовский епископ Игнатий, как минимум дважды ездивший в Орду «за причет церковный» [19, стб. 525]. Современный исследователь А.В. Масленников справедливо отмечал, что грамотные действия епископов «позволили установить взаимовыгодный союз между Ростовской епископией и ханами Золотой Орды... В период непрекращавшихся междоусобных войн местных князей, ростовские архиереи получили право на сбор ежегодной дани ростовских и ярославских князей, что, несомненно, говорит о том, что Ростовская кафедра в данный период времени представляла существенную политическую силу и являлась гарантом политической стабильности в регионе» [15; 18].

Великий Новгород в период монголо-татарского вторжения не пострадал. Спасение города от ордынских войск приписывается молитвам владыки Спиридона. В результате его заступничества, вероятно, нашедшего своё реальное воплощение лишь на страницах списков древнерусских летописей, монгольские войска «за 100 верьсть до Новаграда не дошед» [17, с. 289]. Реальные причины такого неожиданного поворота остаются до сих пор не разгаданными. Вполне возможно, город, обладавший недюжими ресурсами, попросту откупился, использовав владыку Спиридона как посла. Однако под 1257 г. сообщается о попытке установить ордынский выход для Новгорода, что привело к волнениям горожан, и лишь в 1259 г. «почаша ѓздити оканнии (вероятно, представители администрации Монгольской Империи, переписчики – Т.Ф.) по улицамъ, пишуще дома крестияньскыя», и начался сбор дани «бояре легко, а меншимъ зло» [17, с. 310–311], при этом церковь от уплаты «тамги» была освобождена. Данное обстоятельство позволило следующему новгородскому архиепископу Далмату «поби святую Софѣю всю свинцомъ, и даи ему богъ спасаная молитва, отпушение грѣховъ» [17, с. 311].

Иначе решилась судьба Переяславской епископии. В ходе продвижения монгольских войск по территории Руси 3 марта 1239 г. «татарове взяша Переяславль Рускый и епспа оубиша и люди избиша а град пожьгоша огнем и

люди и полона много вземше ѿидоша» [19, стб. 470]; на основании Московского свода восстанавливается имя погибшего епископа – Семен [21, с. 179]. С этого времени Переяславская епископия на некоторое время исчезает с карты Киевской митрополии. Отсутствие поддержки со стороны княжеского рода и необходимости в собственном епископе, в связи с перенесением центра политической силы во Владимир, привело к тому, что восстановление епископии произошло лишь номинально и только после 1269 г. По сути, это была инициатива киевского митрополита Кирилла, который своим решением объединил Переяславскую кафедру и созданный в 1261 году епископский центр в Сарае. Но даже с учетом этого обстоятельства восстановление епископского центра непосредственно в Переяславле так и не произошло [3, с. 104–114].

Менее трагичная участь, чем в Переяславле, постигла и Черниговскую кафедру. Осенью 1239 г. «взаша Татарове Черниговъ князи ихъ выѣхаша въ Оугры а град пожегше и люди избиша и манастирьѣ пограбиша в спсѣа Перфурья пустиша в Глуховѣ а сами идоша в станы своѣ» [19, стб. 470]. Впервые источники сообщают, что в ходе активного вооруженного штурма города монголы пленили архиерея и по прошествии некоторого времени отпустили его. В сущности, данный сюжет является подтверждением приверженности монголо-татарских войск законам Яссы. Следовательно, монголы оставляли в живых тех, кто сдавался без боя или же, находясь в плену, принимал предъявляемые ими условия их освобождения. К схожему предположению пришел и канадский исследователь Мартин Димник [7, с. 21]. Лояльность Порфирия в плену у захватчиков позволила сохранить ему собственную жизнь. Церковные историки не смогли принять данный факт и предпочли в своих трудах вскорости умертвить святителя, придав ему ореол мученичества, который, по их мнению, «истомленный скорбями вскоре скончался» [14, с. 532]. После гибели в Орде черниговского князя Михаила Всеволодовича с «боярином его Федором» (1246 г.) сын князя Роман перенес княжескую резиденцию в Брянск. Таким образом, восстановления черниговской епископии не произошло в связи с разделением Черниговского княжества и выделением отдельных епископских центров в новообразованных Глуховском и Брянском княжествах.

Церковная ситуация в период монголо-татарского вторжения в Галицко-Волынских землях, объединенных под властью Даниила и Василько Романовичей, была несколько иной и более сложной, чем в остальных землях Руси. Ситуация в церковной структуре на Руси усложнилась после того, как в 1240 г., после осады и штурма Киева, оказалась вакантной митрополичья кафедра. Занимавший кафедру грек Иосиф, скорее всего, заблаговременно удалился с места служения, либо скоростижно погиб во время осады Киева, что менее вероятно, так как летописи не оставили нам известий о его мученической смерти [23, с. 467]. В это же время, в связи с непрекращающейся борьбой Даниила против боярской оппозиции, возникла фигура Кюрила, печатника галицкого князя (хранителя печати, по сути канцлера), который в 1241 году восстановил власть Даниила над городом Дядяков и рейдом прошелся по Болоховской земле. Вероятно, именно своей преданностью Кирилл заслужил высшее доверие князя и был отправлен им как кандидат на митрополичий стол, став таким образом первым русским митрополитом по происхождению, статус которого был утвержден Константинопольским патриархом [20, стб. 791, 792, 794, 809].

В этот период весьма сложно прослеживается судьба галицкого епископа. Ранее упоминавшийся Артемий, неоднократно выступавший против кандидатуры Даниила Романовича на галицкое княжение, почувствовав близкую над ним и Ростиславом Михайловичем расправу, бежал в 1241 г. в Перемышль, откуда был изгнан в том же году в ходе рейда княжеского дворского Андрея, войска которого «разграби гордые и тоулы ихъ бобровые раздра и прилбичѣ их вольчѣ и борьсуковые раздраны быша» [20, стб. 793]. Однако описание богатств, принадлежавших гордым слугам галицкого епископа, свидетельствует о том, что, скорее всего, кафедра не пострадала в результате татаро-монгольского похода. Судьба самого Артемия после вышеописанных событий, увы, не известна. Однако свет Галицкой епархии в дальнейшем не угас, а кафедра, решением Константинопольского патриарха, приобретает статус митрополии в 1303 г., вобрав в себя Владимиро-волинскую, Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Луцкую епархии. Правда, среди перечисленных епархий, до 1303 г., лишь епископ Иоанн Холмский заслужил внимание древнерусского летописца, который оставил упоминание о нем под 1260 г. Наряду с освящением кафедральной церкви, Иоанн оставил след в истории своей дипломатической неудачей в составе посольства, направленного Даниилом Романовичем к Бурундаю [20, стб. 846, 849]. Увы, Бурундай «великоу впалоу створшоу на Василка кнѣза и на Лва», представлявших интересы Даниила Романовича, а Иоанн «стоѣше во оужасти величѣ» [20, стб. 849].

Епископы Юго-Западной Руси, подавляемые княжеским домом Романовичей, были вынуждены принимать все решения князей, как и прежде, до монгольского вторжения. Однако хорошо известно наличие обоюдного желания, как у епископата, так и у самого Даниила Романовича, совершить унию с Римским престолом. При этом в данном направлении в ходе переговоров с папскими легатами были достигнуты некоторые успехи, и в итоге был издан папский «наказ» не вторгаться рыцарям монашествующих орденов в земли Даниила и Василька Романовичей [16, с. 322–328]. Само по себе это означало, что в своих дальнейших планах Даниил мог хотя бы не опасаться удара в спину с Запада. Таким образом, епископат Юго-Западной Руси, поддерживаемый княжеской политикой, устремился к обособлению от Северо-Восточного диоцеза и отхода в сторону Европы.

В итоге, можно констатировать, что, согласно летописным источникам, древнерусская церковная организация пережила монголо-татарского вторжения 1237–1240 гг. с меньшими для себя потерями, чем это утверждается в историографии. Гибель епископата фиксируется на страницах древнерусских летописей лишь в условиях осады и разграбления русских городов; при лояльности к монгольской власти архиереи сохраняли не только жизнь, но и свое социальное положение. Однако в этот период, вследствие действий древнерусских князей, получает новое дыхание движение за разделение Киевской митрополии на две части. Юго-Западные епископии обособляются от общерусских церковных процессов и, при поддержке княжеского рода Романовичей, активизируют контакты с кафедрами Западной церкви. Северо-Восточные же епископии предпочли сотрудничество с татарами, и, как следствие, поддержали политическую власть княжеского рода Ярославичей в выстраивании отношений с Золотой Ордой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Артамонов Ю. А.* Епархии Киевской митрополии // Древняя Русь в средневековом мире: энциклопедия / под общ. ред. Е.А. Мельниковой, В. Я. Петрухина. М.: Ладомир, 2015. С. 945.
2. *Богданов В.П., Рукавишников А.В.* Взаимоотношения полоцких и смоленских князей в XII – первой трети XIII в. // Вопросы истории. 2002. № 10. С. 19–32.
3. *Галимов Т.Р.* Русская церковная иерархия в княжеских междоусобицах середины XII–первой трети XIII вв. // Вестник Челябинского государственного университета: История. Вып. 52. 2012. № 25 (279). С. 104–114.
4. *Галимов Т.Р.* Церковная иерархия и церковно-ордынские отношения в период татаро-монгольского вторжения 1237–1240 гг. в оценках современников // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5, № 1. С. 29–55. DOI:10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55
5. *Голубинский Е.Е.* История русской церкви. Т. II: период второй, Московский от нашествия монголов до митрополита Макария включительно. М.: Грааль, 1997. 920 с.
6. *Григорьев А.П.* Сборник Ханских ярлыков русским митрополитам: источниковедческий анализ золотоордынских документов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004. 276 с.
7. *Димник М.* Даниил Галицкий, Михаил Черниговский и татары: борьба за Галицкую землю в 1239–1245 гг. // Русин. 2014. № 1 (35). С. 17–35.
8. Житие Авраамия Смоленского // Библиотека литературы Древней Руси / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева, А.А. Алексеева, Н.В. Поньрко. СПб.: Наука, 2005. Т. 5. С. 30–65.
9. Киево-Печерский патерик, или Сказания о житии и подвигах святых угодников Киево-Печерской лавры / Пер. с церк.-слав. и предисл. Е. Поселянина. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2012. 432 с.
10. *Кучкин В.А.* Монголо-татарское иго в освещении древнерусских книжников (XIII–первая четверть XIV в.) // Русская культура в условиях иноземных нашествий и войн. Сборник научных трудов. М., 1990. Ч. 1. С. 15–69.
11. *Лихачев Д.С.* Повести о Николае Заразском // Труды отдела древнерусской литературы. Л, 1949. Т. 7. С. 257–406.
12. *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви в период совершенной зависимости ее от константинопольского патриархата (988–1240). Кн. 2. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. 704 с.
13. *Макарий (Булгаков), митр.* История русской церкви в период постепенного перехода к ее самостоятельности (1240–1589). Кн. 3. М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. 704 с.
14. *Мануил (Лемешевский), митр.* Русские православные иерархи (992–1892): в 3 т. М.: Сретенский монастырь, 2003. Т. 2: Иоанн–Симеон. 607 с.
15. *Масленников А.В.* Взаимоотношения светской и церковной властей в X–XVIII веках (на материалах Ростовско-Ярославской епархии). Дисс. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. 281 с.
16. *Назаренко А.В.* Галицкая епархия // Православная энциклопедия. М.: Церковно-науч. центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 10. С. 322–328.
17. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. и с предисл. А. Н. Насонова. М.; Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1950. 642 с.
18. Повесть о Петре, царевице Ордынском // Русские повести XV–XVI вв. М.; Л.: Художественная литература, 1958. С. 267–288.
19. Полное собрание русских летописей. Л.: Изд-во АН СССР, 1926–1928. Т. 1: Лаврентьевская летопись. 379 с.

20. Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. Т. 2: Ипатьевская летопись. 638 с.
21. Полное собрание русских летописей. М.: Языки русской культуры; 2004. Т. 25: Московский летописный свод конца XV в. 488 с.
22. Помянник смоленских епископов XVI в. // *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Синодальной библиотеки. М.: Синодальная тип., 1869. Отд. III. Ч. I. С. 224.
23. *Поппе А.* Митрополиты Киевские и всея Руси // *Щанов Я.Н.* Государство и церковь Древней Руси XI–XIII вв. М.: Наука, 1989. С. 191–206.
24. *Почекаев Р.Ю.* Право Золотой Орды / отв. ред. И.М. Миргалеев. Казань: Изд-во ФЭН АН РТ, 2009. 260 с.
25. *Рудаков В.Н.* Монголо-татары глазами русских книжников середины XIII–XV вв. М.: Квадрига, 2009. 248 с.
26. *Филарет (Гумилевский), архиеп.* История русской церкви. Период второй: монгольский. От опустошения России монголами до разделения митрополии (1236–1410). М.: Тип. Волчанинова, 1888. 840 с.
27. *Хара-Даван Э.* Чингис-хан: эссе. Казань: Идея-пресс, 2008. 204 с.

Сведения об авторе: Татьяна Юрьевна Фомина – кандидат исторических наук, доцент Набережночелнинского государственного педагогического университета (423806, ул. Низаметдинова, 28, Набережные Челны, Российская Федерация). E-mail: stal73@yandex.ru

*Поступила 06.03.2019 Принята к публикации 31.05.2019
Опубликована 29.06.2019*

REFERENCES

1. Artamonov Yu. A. Eparkhii Kievskoy mitropolii [Dioceses of the Kyiv Metropolis]. *Drevnyaya Rus' v srednevekovom mire: entsiklopediya* [Ancient Rus in the Medieval World: Encyclopedia]. Moscow: Lodomir, 2015. 945 p. (In Russian)
2. Bogdanov V.P., Rukavishnikov A.V. Vzaimootnosheniya polotskikh i smolenskikh knyazey v XII– pervoy treti XIII v. [Relations of the Polotsk and Smolensk Princes in the 12th – the first third of the 13th century]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. 2002, Vol. 10, pp. 19–32. (In Russian)
3. Galimov T.R. Russkaya tserkovnaya ierarkhiya v knyazheskikh mezhdousobitsakh serediny XII–pervoy treti XIII vv. [Russian Church Hierarchy in Princely Feuds of the middle of the 12th – first third of the 13th century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta: Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk State University: History]. Is. 52, 2012, Vol. 25 (279), pp. 104–114. (In Russian)
4. Galimov T.R. Hierarchy of the Russian Church and Relations between the Horde and the Russian Church during the Tatar-Mongol Invasion of 1237–1240 according to Contemporary Estimates. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 29–55. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.29-55 (In Russian)
5. Golubinskiy E.E. *Istoriya russkoy tserkvi. Tom II: period vtoroy, Moskovskiy ot nashestviya mongolov do mitropolita Makariya vklyuchitel'no* [History of the Russian Church. Volume 2: The Second, Moscow Period from the Invasion of the Mongols to Metropolitan Macarius Inclusively]. Moscow: Graal', 1997. 920 p. (In Russian)
6. Grigor'ev A.P. *Sbornik Khanskikh yarlykov russkim mitropolitam: istochnikovedcheskiy analiz zolotoordynskikh dokumentov* [A Collection of Khan's Yarliks Granted to

Russian Metropolitans: A Source Study of the Golden Horde's Documents]. St. Petersburg: SPbSU Publ., 2004. 276 p. (In Russian)

7. Dimnik M. Daniil Galitskiy, Mikhail Chernigovskiy i tatory: bor'ba za Galitskuyu zemlyu v 1239–1245 gg. [Daniil Galitsky, Mikhail Chernigovsky and Tatars: The Struggle for the Galician Land in 1239–1245]. *Rusin*. 2014, Vol. 1 (35). pp. 17–35. (In Russian)

8. Zhitie Avraamiya Smolenskogo [The Life of Avraamy of Smolensk]. *Biblioteka literatury Drevney Rusi* [Library of Literature of Ancient Rus]. St. Petersburg: Nauka Publ., 2005, vol. 5, pp. 30–65. (In Russian)

9. *Kievo-Pecherskiy paterik, ili Skazaniya o zhitii i podvigakh svyatykh ugodnikov Kievo-Pecherskoy lavry* [The Kyiv-Pechersk Paterik, or Tales of the Lives and Deeds of the Saints of the Kyiv-Pechersk Lavra]. Moscow: Sretenskiy monastyr' Publ., 2012. 432 p. (In Russian)

10. Kuchkin V.A. Mongolo-tatarskoe igo v osveshchenii drevnerusskikh knizhnikov (XIII–pervaya chetvert' XIV v.) [The Mongol-Tatar Yoke in the Light of Ancient Rus Scribes (13th – first quarter of the 14th century)]. *Russkaya kul'tura v usloviyakh inozemnykh nashestviy i voyn. Sbornik nauchnykh trudov* [Russian Culture in the Conditions of Foreign Invasions and Wars. Collected studies]. Moscow, 1990, Vol. 1, pp. 15–69. (In Russian)

11. Likhachev D.S. Povesti o Nikolae Zarazskom [Tales of Nikolai Zarask]. *Trudy otdela drevnerusskoy literatury* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature]. Vol. 7. Leningrad, 1949, pp. 257–406. (In Russian)

12. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi: istoriya Russkoy Tserkvi v period sovershennoy zavisimosti ee ot konstantinopol'skogo patriarkha (988–1240)*. Part 2. [History of the Russian Church: History of the Russian Church during Its Complete Dependence on the Patriarch of Constantinople (988–1240). Book 2]. Moscow: Holy-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1995. 704 p. (In Russian)

13. Makariy (Bulgakov), mitr. *Istoriya Russkoy Tserkvi: Istoriya Russkoy Tserkvi v period postepennogo perekhoda ee k samostoyatel'nosti (1240–1589)*. Kn. 3. [History of the Russian Church: History of the Russian Church during Its Gradual Transition to Independence (1240–1589). Book 3]. Moscow: Holy-Transfiguration Valaam Monastery Publ., 1996. 704 p. (In Russian)

14. Manuil (Lemeshevskiy), mitr. *Russkie pravoslavnye ierarkhi (992–1892)* [Russian Orthodox Hierarchs (992–1892): in 3 volumes]. Moscow: Sretenskiy monastyr', 2003. Vol. 2. 607 p. (In Russian)

15. Maslennikov A.V. *Vzaimootnosheniya svetskoy i tserkovnoy vlastey v X–XVIII vekakh (na materialakh Rostovsko-Yaroslavskoy eparkhii)*. Diss. ... kand. ist. nauk [Relations between the secular and church authorities in the 10th – 18th centuries (based on materials of the Rostov-Yaroslavl diocese). Ph.D. Thesis]. Yaroslavl', 2012. 281 p.

16. Nazarenko A.V. Galitskaya eparkhiya [The Galician Diocese]. *Pravoslavnyaya entsiklopediya* [The Orthodox Encyclopedia]. Moscow: «Pravoslavnyaya entsiklopediya», 2005, Vol. 10, pp. 322–328. (In Russian)

17. *Novgorodskaya pervaya letopis' starshego i mladshego izvodov* [Novgorod First Chronicle of the senior and junior redactions]. Moscow, Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1950. 642 p. (In Old Russian)

18. Povest' o Petre, tsareviche Ordynskom [The Tale of Peter, the Horde's Prince]. *Russkie povesti XV–XVI vv.* [Russian Tales of the 15th–16th centuries]. Moscow: Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1958, pp. 267–288. (In Old Russian)

19. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 1. *Lavrent'evskaya letopis'* [Lavrent'evskaya Chronicles]. Leningrad: Akademiya nauk SSSR, 1926–1928. Vol. 1. 379 p. (In Old Russian)

20. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 2. *Ipat'evskaya letopis'* [Ipat'evskaya Chronicles]. St. Petersburg: Tip. M.A. Aleksandrova, 1908. Vol. 2. 638 p. (In Old Russian)

21. *Polnoe sobranie russkikh letopisey* [Complete Collection of Russian Chronicles]. Vol. 25. *Moskovskiy letopisnyy svod kontsa XV v.* [Moscow Chronicle of the end of the 15th century]. Moscow: Yazyki russkoy kul'tury Publ., 2004. 488 p. (In Old Russian)
22. Pomyannik smolenskikh episkopov XVI v. [The Commemoration of Smolensk Bishops of the 16th century]. Gorskiy A.V., Nevostruev K.I. *Opisanie slavyanskikh rukopisey Sinodal'noy biblioteki* [Description of the Slavic Manuscripts of the Synodal Library]. Moscow: Sinodal'naya tip., 1869. Otd. III. Ch. I, p. 224. (In Russian)
23. Poppe A. Mitropolity Kievskie i vseya Rusi [Metropolitans of Kiev and All Russia]. Shchapov Ya.N. *Gosudarstvo i tserkov' Drevney Rusi XI–XIII vv.* [State and Church of Ancient Rus in the 11th–13th centuries]. Moscow: Nauka Publ., pp. 191–206. (In Russian)
24. Pochekaev R.Yu. *Pravo Zolotoy Ordy* [The legal system of the Golden Horde]. Kazan: Fen Publ., 2009. 260 p. (In Russian)
25. Rudakov V.N. *Mongolo-tatary glazami drevnerusskikh knizhnikov serediny XIII–XV vv.* [The Mongol-Tatars by the Eyes of Old Russian Scribes of the middle of the 13th–15th centuries]. Moscow: Kvadriga Publ., 2009. 248 p. (In Russian)
26. Filaret (Gumilevskiy), archbishop. *Istoriya russkoy tserkvi. Period vtoroy: mongol'skiy. Ot opustosheniya Rossii mongolami do razdeleniya mitropolii (1236–1410)* [History of the Russian Church. Period Two: The Mongol Period. From the Devastation of Rus by the Mongols to the Division of the Metropolis (1236–1410)]. Moscow: Volchaninova Publ., 1888. 840 p. (In Russian)
27. Khara-Davan E. *Chingis-khan: esse* [Chinggis Khan: An Essay]. Kazan: Ideya-press, 2008. 204 p. (In Russian)

About the author: Tat'yana Yu. Fomina – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Naberezhnye Chelny State Pedagogical University (28, Nizametdinov Str., Naberezhnye Chelny 423806, Russian Federation). E-mail: stal73@yandex.ru

*Received March 6, 2019 Accepted for publication May 31, 2019
Published June 29, 2019*